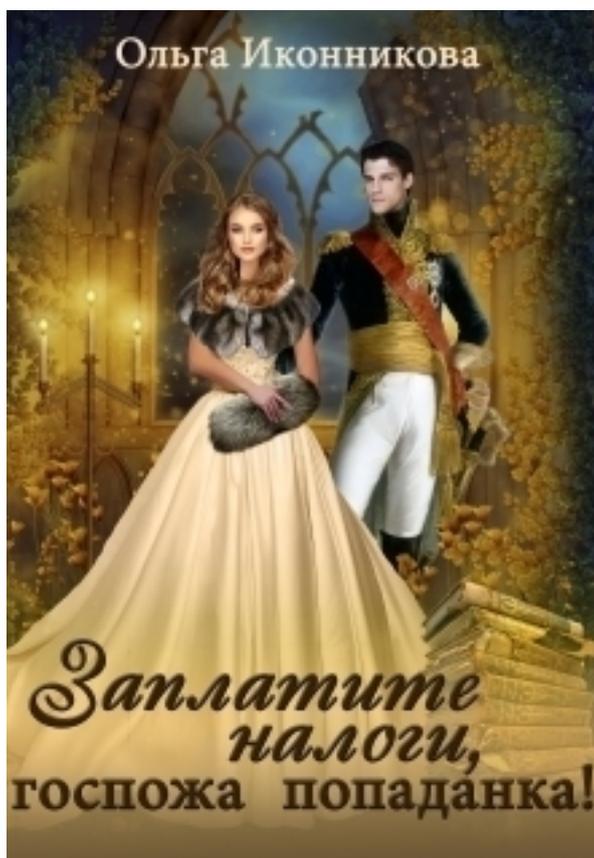

Ольга Иконникова

Заплатите
налоги,
госпожа попаданка!

Ольга Иконникова

**Заплатите налоги,
госпожа попаданка!**

«Литнет»

Иконникова О.

Заплатите налоги, госпожа попаданка! / О. Иконникова —
«Литнет»,

Никогда не думала, что быть хорошей учительницей – плохо. Но именно поэтому меня переместили в другой мир и сделали владелицей частной школы. И что я имею теперь? Кучу учеников, каждый из которых может превратить меня в жабу. Сплошные убытки на балансе. И вредного герцога – наследника престола, который замучил школу проверками и который (вот неожиданность!) намерен жениться на одной из моих учениц. А как учить детей в мире, о котором ты ничего не знаешь? Земля круглая? Да как бы не так! За такое утверждение – прямой путь в руки инквизиции. Ничего, разберусь. Я сама научусь магии! Вымуштрую учеников, сведу дебет с кредитом и заплачу эти дурацкие налоги! Да вот хотя бы за счет школьной драконьей фермы. Как это «драконов не едят»? А что же с ними делают?

Содержание

1. Эжени. Другая графиня	5
2. Герцог де Шарлен. Суд	8
3. Эжени. Хороший адвокат – половина дела	12
4. Эжени. Эксперимент	16
5. Эжени. Графиня де Ламарк	19
6. Эжени. Моя почти бабушка	23
7. Эжени. Тайны прошлого	27
8. Эжени. Кое-что об обмане	30
9. Герцог де Шарлен. Разговор с графиней	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Заплатите налоги, госпожа попаданка!

Автор: Ольга Иконникова

1. Эжени. Другая графиня

– Встать! Суд идет!

Я вздрагиваю и открываю глаза.

– Ваше сиятельство, встаньте! – подхватывает меня под локоть сидящий рядом со мной незнакомый мужчина.

Я отдёргиваю руку и намереваюсь сказать ему всё, что я думаю о подобном панибратстве. И в выражениях я стесняться не стану.

Но в его взгляде я вижу такую мольбу, что не решаю ему отказать. И молча поднимаюсь вслед за ним.

Честно говоря, я вообще не понимаю, где нахожусь. Большой зал. Много народа. На возвышении – массивное кресло с высокой спинкой – на нём как раз сейчас устраивается тучный мужчина в белоснежном парике и тёмной мантии.

Действительно, похоже на суд. Правда, люди одеты как-то странно.

– Суд герцогства Шарлен против графини де Ламарк, – блеет худой как жердь мужчина в коричневом сюртуке.

Да-да, именно сюртуке! Не в пиджаке, не в куртке или в рубашке. В сюртуке!

И так одет не он один. Мужчины все как на подбор будто в маскарадных костюмах. И сидящие на лавках дамы – в шляпках с бантами и длинных платьях. Цирк с конями!

– Сейчас, ваше сиятельство, он зачитает все пункты обвинения, – любезно сообщает мне мой сосед. – Постарайтесь изобразить должную степень возмущения и обиды. Но лишаться чувств не советую – судья не любитель театрального искусства.

Какой судья? Какое обвинение? Они что, издеваются?

Эти вопросы я собираюсь задать и вслух, и мужчина, кажется, понимает это.

– Прошу вас, ваше сиятельство, не сердите судью, – его голос звучит чуть слышно. – Я – ваш адвокат, доверьтесь мне.

Ах, вот как! Значит, он – мой адвокат!

– Ее сиятельство графиня де Ламарк, пользуясь преступной халатностью налогового управления герцогства, утаила от обложения доход в сумме не менее пятидесяти тысяч лиардов, – гнусаво читает с листа мужчина в сюртуке, – чем нанесла ощутимый ущерб государственной казне и казне герцогства.

Он делает паузу, дабы присутствующие осознали размер причиненного вреда.

Я не знаю, что такое лиард, но, судя по реакции зала, названная сумма отнюдь не маленькая.

Судья важно кивает, давая понять, что можно переходить к следующему пункту.

– Ее сиятельство также обвиняется в неразумном использовании и присвоении денежных средств, полученных от нескольких уважаемых семей нашего герцогства в качестве платы за обучение их отпрысков в принадлежащей ее сиятельству школе.

При слове «школа» я делаю боевую стойку. Всё-таки педагогический опыт дает о себе знать. Но слова «плата» и «школа» для меня никак не связаны друг с другом. Школьное обучение у нас бесплатное, а взятка я отродясь не брала, чем и горжусь. Да-да, горжусь, кто бы что про это ни думал!

Но говорят они явно не о моей двадцатой гимназии, где я занимаю должность учителя младших классов. Хотя смотрят все как раз на меня – и судья, и публика в зале. Кажется, именно я – графиня де Ламарк.

От этой мысли я прихожу в ужас. Это же невозможно! Я – Евгения Павловна Куницына, двадцати пяти лет от роду. И никаких аристократических корней у меня нет. Ну, то есть, за это на сто процентов я поручиться не могу, но история об этом умалчивает.

Наверно, я просто сплю. А потом проснусь, и всё это окажется лишь плодом уставшего от учительской работы мозга.

Адвокат дергает меня за рукав, призывая проявить к чтецу внимание, и его массивный перстень с крупным и, должно быть, дорогим камнем царапает мою ладонь. Я охаю, глядя, как на коже проступает тонкий красный след. Ведь во сне так не бывает, правда?

– Еще ее сиятельство обвиняется в непроявлении должной заботы о своих слугах, среди коих есть дети в возрасте от семи до двенадцати лет. Как следует из документов судебного дознавателя, две девочки и три мальчика были доведены обвиняемой до серьезного истощения вследствие скудного питания, побоев и крайне тяжелого труда.

Я, что, использовала детский труд? Била детей? Морила их голодом?

Да я – чудовище!

О том, что существуют миры, наполненные магией, я узнала еще в детстве. И не из книг Волкова или Толкиена, а от бабы Нади. Она рассказывала, что, когда ей было восемнадцать, в один из таких миров она как раз и попала. Пошла в лес собирать ягоды, заблудилась, долго плутала, пока не вышла на большую поляну, над которой клубился туман. Шагнула в туман и оказалась совсем в другом месте.

Тогда я слушала ее, открыв рот, и верила каждому слову. Она говорила, что будто бы попала на несколько веков назад. Описывала кареты, дворцы, мужчин в камзолах и женщин в роскошных платьях, и я представляла всё это так ясно, словно смотрела кино. Вот она встретила графа, и они полюбили друг друга. «Но зачем ты вернулась, ба?» Она в ответ только вздыхала и пускала скупую слезу.

Я верила в эти сказки лет до десяти – пока не услышала другую версию этой истории – ее придерживались все наши родные и знакомые. Дескать, поехала Надюшка на море отдыхать и встретила на югах красивого и богатого мужчину. Не графа, конечно (какие у нас графья?), но деревенской девчонке он и принцем мог показаться. Любовь продлилась ровно две недели – пока отпуск не закончился. Принц, конечно, вернулся к своей законной супруге (принцы свободными бывают редко), а от Надюшки откупился дорогим перстнем. Через девять месяцев после этого отпуска родилась моя мама.

Перстень с большим драгоценным камнем у бабушки на самом деле был. И она не продала его даже тогда, когда отчаянно нуждалась в деньгах. Всё верила в то, что однажды граф непременно за ней приедет. Замуж так и не вышла. Она и маму мою пыталась от брака отговорить. Дескать, пригласит папенька тебя в свой дворец, а у тебя уже муж, детишки, хозяйство. Но мама в эти бредни не верила никогда и очень сердилась, когда бабушка пересказывала их мне.

– Хоть ты, Женечка, такой ошибки не совершай, – наставляла меня баба Надя. – Знаешь, какой у тебя дедушка?

Но я тогда уже тоже не верила ей. Хотя вот ведь парадокс – штампом в паспорте о законном браке я так до сих пор и не обзавелась. Не потому, что ждала дедушку-графа, а потому, что настоящей любви так, увы, и не нашла. Чтоб такой, как у бабушки – на всю жизнь. Чтоб за любимым – хоть на край света, хоть на море, хоть в туман.

– Ваше сиятельство, – назойливый адвокат снова дергает меня за рукав, – прошу вас, посмотрите в зал! Да-да, вот так – печально, со слезами на глазах. Обратите внимание на мужчину, сидящего в ложе. Это – наследник престола, племянник его величества герцог де Шарлен. Признаться, я не ожидал, что он появится в суде.

– Это плохо? – шепотом спрашиваю я.

Адвокат пожимает плечами:

– С одной стороны, ваши отцы были друзьями, и ему не мешало бы об этом вспомнить. С другой стороны, он хочет выглядеть в глазах народа мудрым и справедливым правителем.

Я чувствую лёгкое головокружение. А еще – страх и обиду. Почему я оказалась здесь именно сейчас? Если уж дедушка (ага, граф!) решил, что мне надлежит-таки воссоединиться с другой половиной моей семьи, то разве не стоило выбрать для этого более благоприятный момент? Хотя, насколько я понимаю, сам дедушка давно уже почил, равно как и те, которых здесь все считают моими родителями.

Знать бы еще, где я нахожусь. В каком месте? В каком времени? Ничего, разберусь. Только бы в тюрьме не оказаться.

Я не разбираюсь в местном правосудии, но понимаю – положение серьезное. Против меня настроены не только судья и обвинитель, но и все присутствующие в зале. И никто не поверит, что настоящая графиня де Ламарк – совсем не я.

Кажется, эта графиня – та еще штучка! Мошенничала, издевалась над детьми. Драконов каких-то обижала!

А мне теперь за нее отдуваться.

– Скажите, у нас есть хоть какой-то шанс выиграть дело?

Я не знаю, как зовут моего адвоката, и спросить его об этом не могу. Я даже собственного имени не знаю.

– Не беспокойтесь, ваше сиятельство, я никогда не даю пустых обещаний. Я стою каждого лиарда своего гонорара.

Судя по его самодовольной улыбке, гонорар этот – целое состояние. Надеюсь, у этой прохиндейки хотя бы есть деньги!

2. Герцог де Шарлен. Суд

– Не беспокойтесь, ваша светлость, – сообщает мой секретарь Эрик Маршалль, – господин судья заверил меня, что не ожидает в этом деле никаких сложностей. Графиня будет наказана по всей строгости закона.

Я киваю и прибавляю:

– В назидание другим!

Секретарь охотно соглашается:

– Именно так, ваша светлость!

Суд над графиней де Ламарк обещает быть громким. Наверняка, после его завершения даже придется посетить столицу. Ну, ничего, справедливость стоит небольших неудобств.

– Господин судья спрашивал, будет ли он иметь удовольствие видеть вас сегодня в зале суда?

Я еще раз чуть наклоняю голову:

– Да, пожалуй. Погода весьма располагает к прогулкам.

Я вовсе не хочу давить на судью своим присутствием – он и так прекрасно знает дело. Но показать свое отношение к тому, что совершила графиня, я должен. Я и так слишком долго бездействовал.

Первая информация о том, что творится в частной школе графини де Ламарк, поступила еще несколько месяцев назад. Об издевательствах над детьми тогда не говорили – только о фальсификации финансовых документов и расходовании полученных средств не по назначению.

Тогда еще был жив мой отец. И он на анонимные жалобы предпочел закрыть глаза. Еще бы – Эжени де Ламарк была дочерью друга его детства. «Обычные наговоры, сынок, – так он сказал тогда. – Людям трудно смириться с тем, что молодая женщина может так ловко вести дела. А если ученики в ее школе не проявили должного усердия в учебе и остались такими же оболтусами, какими пришли туда, то ее ли в этом вина?»

Теперь, когда ответственность за всё происходящее в герцогстве несу я, следует показать народу, что я отнюдь не намерен защищать графиню. Мои подданные должны знать – благородное происхождение не дает человеку права совершать преступления.

– Она действительно так хороша, как говорят? – спрашиваю я, подписывая очередную поданную Маршалем бумагу.

Щеки секретаря покрываются смущенным румянцем.

– Она – самая красивая женщина из всех, что я когда-либо видел.

Не удивительно, что ей удавалось так долго водить за нос всех чиновников нашего герцогства – смазливое личико интересуется мужской пол куда больше скучных цифр в гроссбухах и отчётах.

Наше появление производит фурор в зале суда. Меня приветствуют поклонами и одобрительным шумом. Пока мы устраиваемся на балконе, процесс заслушивания свидетелей прерывается.

– Вы можете продолжать, ваша честь, – говорю я, и судья важно кивает.

Он впервые ведет заседание в присутствии первого лица герцогства и, кажется, крайне этим горд.

Я смотрю в сторону обвиняемой и ловлю в ответ ее растерянный взгляд. Я испытываю к ней презрение, но не могу удержаться от признания факта ее удивительной красоты. Даже здесь, в зале суда, одетая в неброскую одежду, она выглядит королевой.

Отец говорил, что когда она была ребенком, то часто бывала у нас в замке. Но я совсем не помню ее. Тогда я был уже подростком, и лошади и оружие меня интересовали куда больше, чем игры с детьми.

А потом я и вовсе надолго уехал отсюда – племяннику короля полагалось учиться в лучшем учебном заведении столицы. Наверно, если бы не смерть отца, я еще долго не приехал бы в Шарлен.

Я пытаюсь сосредоточиться на речи судебного секретаря, который монотонно, без малейших признаков хоть каких-то эмоций, зачитывает текст обвинения.

– Ее сиятельство не проявляла должного внимания и к управлению драконьей фермой (которая также находится под ее попечительством), что едва не привело к гибели нескольких особей этих охраняемых законом существ.

Зал ожидает моей реакции, и я осуждающе качаю головой. Маршалль считает своим долгом выразить мои мысли в короткой фразе:

– Чудовищное преступление!

Публика явно разделяет мое мнение и откликается одобрительным гулом.

А вот сидящая на скамье подсудимых женщина заметно сникает.

Графиня пригласила лучшего столичного адвоката, но я не сомневаюсь, что судья и обвинитель камня на камне не оставят от линии защиты. Мне жаль, что представительница одного из самых знатных семейств Шарлена проведет остаток дней в тюрьме, но зло должно быть наказано. Разве не так?

Месье Эдвин Доризо – магистр правоповедения – понимаетя со своего места с несколько неподходящим случаю скучающим видом. Он будто не осознает всей серьезности положения своей клиентки.

– Ваша честь, – поклон в сторону судьи, – мэтр Совиньон, – еще один поклон – уже в сторону обвинителя, – уважаемая публика! – театральная пауза. – Боюсь, все вы были невольно введены в заблуждение целой чередой обидных недоразумений. Позвольте со всей ответственностью заявить, что графиня де Ламарк не повинна ни в одном из тех тяжких преступлений, в которых ее обвиняют!

И снова – пауза. Ее сиятельство подносит к глазам шелковый платочек.

– Экий наглец! – не удерживается от восклицания Маршалль. – Простите, ваша светлость, но неужели он в самом деле надеется, что сумеет посеять хоть каплю сомнений в умах судьи и обвинителя?

Я усмехаюсь:

– Он всего лишь пытается отработать те немалые деньги, которые наверняка запросил у графини. Он будет говорить долго и нудно, а потом с сожалением признает, что обстоятельства оказались сильнее его красноречия. Уверяю вас, Маршалль, адвокатура – весьма прибыльное и ни к чему не обязывающее занятие. Даже плохой адвокат никогда не останется без клиентов.

Секретарь согласно кивает:

– Именно так, ваша светлость. Иногда я и сам жалею, что не пошел в адвокаты.

– Надеюсь, ваши утверждения не голословны, магистр Доризо? – сурово вопрошает судья. – Равно как надеюсь и на то, что вы предупредили ее сиятельство о том, что полное добровольное признание вины даст нам возможность смягчить наказание.

Маршалль хмыкает:

– Ага – вместо пятидесяти лет тюрьмы ей дадут сорок пять.

Похоже, судьба графини ему небезразлична.

– Разумеется, ваша светлость, – спокойно отвечает Доризо, – я могу подтвердить каждое свое слово.

В отличие от своего адвоката, графиня кажется растерянной. Она словно не понимает, где находится. Удивленно-испуганный взгляд, дрожащие тонкие руки.

С места вскакивает обвинитель – маленький энергичный месье Совиньон. Он всё время находится в движении – даже тогда, когда сидит на стуле.

– Ваша честь, обвинение вызывает ее сиятельство графиню де Резен.

На свидетельское место выходит немолодая худошавая женщина. Она приносит присягу и замирает в ожидании вопросов. Она напряжена, но держится с достоинством.

– Итак, ваше сиятельство, – подбадривает ее улыбкой Совиньон, – вы подтверждаете, что помимо установленной платы за обучение вашего сына Антуана в школе графини де Ламарк, передали ее сиятельству десять тысяч лиардов в обмен на обещание снисходительного отношения к своему отпрыску?

Он замолкает, ожидая ответа свидетельницы, и та не разочаровывает его:

– Да, подтверждаю!

– Хочу заметить, ваша честь, что эта сумма не была учтена в составе доходов графини де Ламарк, и налог с нее в казну не поступил.

Месье Совиньон переводит торжествующий взгляд на своего оппонента. Магистр Доризо принимает вызов и подходит к свидетельскому месту на расстояние пары шагов.

– Скажите, ваше сиятельство, вы передавали деньги моей клиентке лично?

Де Резен отвечает быстро и почти с возмущением:

– Разумеется, нет! Этим вопросом занимался мой супруг. Но могу вас заверить, что выплата такой значительной суммы далась нам нелегко, и мы вынуждены были сократить другие наши расходы.

– Ваша честь, я вынужден настаивать на приглашение на свидетельское место самого графа де Резена, ибо, как утверждает ее сиятельство, он знает по этому вопросу неизмеримо больше. И я, признаться, удивлен, что мэтр Совиньон посчитал возможным вызвать в суд графиню, а не графа.

Обвинитель отмахивается от этого замечания:

– Его сиятельство уже много лет серьезно болен, и я не видел необходимости в том, чтобы лишний раз беспокоить его. В приватной беседе со мной он полностью подтвердил слова супруги.

– Похвальная забота, мэтр! – язвит адвокат. – Но его сиятельство оказался столь любезен, что согласился появиться сегодня здесь, несмотря на своей недуг. Он ожидает в соседнем зале, и если возможно...

– Да, вы можете пригласить графа де Резена, – дозволяет судья.

Графиню на свидетельском месте сменяет тучный бледный мужчина, который, в отличие от супруги, нервничает так, что с трудом произносит слова присяги.

– Итак, ваше сиятельство, подтверждаете ли вы заявление графини де Резен о том вы передавали деньги графине де Ламарк за особое отношение школы к вашему сыну Антуану.

Граф облизывает сухие губы и мотает головой:

– Нет, не подтверждаю.

Измученный возглас супруги свидетеля сопровождается шумом в зале. Судья вынужден постучать молоточком по столу.

– А можете ли вы предположить, почему графиня сделала такое заявление? – обращается Доризо к графу.

Тот судорожно кивает:

– Это я виноват в том, что моя супруга невольно ввела суд в заблуждения. Я обманул ее. Я проиграл десять тысяч лиардов в карты и не смог признаться ей в этом. Я посчитал, что если я скажу ей, что потратил эти деньги, чтобы помочь Антуану, то она не будет сильно негодовать.

– В карты??? – месье Совиньон аж подпрыгивает на своем месте. – Ваше сиятельство, но вы почти не выходите из дома! Послушайте, если мой коллега по каким-то причинам вынудил вас дать ложные показания, лучше заявите об этом прямо сейчас!

На графа больно смотреть – мне кажется, он вот-вот грохнется в обморок. Тем не менее, он находит в себе силы ответить:

– Никак нет, мэтр! Я говорю сейчас истинную правду. Да, я редко выхожу из дома, но игра в карты – одно из немногих удовольствий, которые у меня еще остались.

Обвинение настаивает на повторном вызове графини, и когда та снова выходит вперед, то кипит от возмущения. Бедняжка граф, дома ему придется несладко.

– Уверена, месье адвокат запугал чем-то моего супруга! – заявляет она без тени сомнений. – Он никогда не стал бы утаивать от меня такие траты. Да он всегда был весьма умерен в игре.

– Скажите, сударыня, – снова обращается к ней Доризо, – знаете ли вы, что если будет доказано, что ваш сын получил документ об окончании школы незаконно (а именно это и следует из вашего заявления!), то он будет навсегда лишен возможности занимать должности на государственной службе? Кажется, он сейчас трудится в министерстве королевского двора?

Графиня открывает рот, но с губ ее не слетает ни звука. Адвокат расставил ей ловушку, выбраться из которой будет непросто.

– Протестую, ваша честь! – кричит Совиньон. – Мэтр Доризо оказывает давление на свидетеля.

– Протест принят! – строго говорит судья. – Месье Доризо, воздержитесь от дальнейших нападок на свидетельницу. А вас, ваше сиятельство, я прошу еще раз подтвердить ваше прежнее заявление.

Но графиня уже не готова ничего подтверждать. От ее былой уверенности не осталось и следа.

– Боюсь, что я не могу этого сделать, ваша честь, – лепечет она. – Я только сейчас осознала, насколько была неправа. Я действительно не могу с уверенностью заявить, что деньги были переданы именно графине де Ламарк. Я говорила это только на основании слов мужа, который, как выяснилось, меня обманул.

Она сделала выбор. Она готова выставить себя душой, а супруга – транжирой, – ради того, чтобы не навредить карьере сына.

И ни увещевания судьи, ни требования обвинителя не заставляют ее от этого отступить.

3. Эжени. Хороший адвокат – половина дела

Остальные свидетели по первому пункту обвинений ведут себя так же, как чета де Резен – они отрицают дачу взятки графине де Ламарк и уверяют, что их неправильно поняли.

– Как вам это удалось? – шепотом спрашиваю я своего защитника.

Он довольно улыбается:

– У каждого человека есть тайны, которые он хотел бы скрыть. И слуги, которые готовы эти тайны продать.

– Но разве им не грозит наказание за лжесвидетельство? – признаться, мне жаль всех этих людей, которые руководствовались самым благородным побуждением – вывести взяточницу на чистую воду, – но вынуждены были отступить под давлением опытного и не очень честного адвоката.

Кажется, магистра Доризо (я наконец-то узнала его имя!) сильно удивляет моя забота о посторонних.

– Не беспокойтесь, ваше сиятельство, предыдущие заявления они делали, не будучи приведенными к присяге.

Я обвожу взглядом зал. Среди собравшейся на бесплатное представление публики – ни одного сочувствующего мне лица.

– Вроде бы, здешний герцог не доволен вашей маленькой победой, – я замечаю плотно стиснутые губы сидящего в ложе де Шарлена.

Но Доризо, судя по всему, не привык склонять голову перед сильными мира сего. Напротив, его улыбка становится еще более широкой.

– Уверен, если когда-нибудь его светлости самому потребуется адвокат, он обратится именно к моим услугам.

Я еще ничего не знаю об иерархии местной знати, но понимаю, что присутствие в зале суда первого лица герцогства – не совсем обычное дело. И, боюсь, это повлияет на судью не самым лучшим образом.

– Ваша честь, позвольте нам перейти к преступной халатности обвиняемой, – обвинитель тоже не намерен сдаваться. Волосы у него на голове топорщатся, делая его остроносое смуглое лицо воинственно-грозным.

Суд заслушивает очередного свидетеля, который утверждает, что его сыновья (похоже, девочки в школе графини не учились) и после нескольких лет обучения оставались такими же ленивыми и невежественными, какими пришли в первый класс. Он высказывает мнение, что учителя в школу набирались без должных знаний и опыта, а уроки проводились формально или не проводились вообще.

Насколько я понимаю, таких свидетелей у обвинения несколько.

Но всех их мой адвокат нейтрализует тем же приемом, что и графиню де Резен – он предлагает провести аттестацию уже окончивших школу учеников, и, если их знания окажутся столь слабыми, как утверждается, лишить их документов об образовании. На что, конечно, ни один из свидетелей пойти не готов.

– Позвольте заверить достопочтенную публику, – обращается к залу мэтр Доризо, – что моя подопечная уже приняла все жалобы к сведению и в дальнейшем постарается сделать всё, чтобы обучение в ее школе было как можно более качественным. К тому же, вся вина ее сиятельства заключается лишь в том, что она чрезмерно доверяла людям, которые занимались непосредственным управлением делами и школы, и ее поместья. И директор школы, и управляющий поместьем уже получили расчет и на их места ищутся более надежные люди.

Третий пункт обвинения, кажется, совсем не беспокоит моего адвоката.

– Это – наименее серьезное из того, что вам предъявлено.

– Не может быть! – не верю я. – Ведь речь идет о детях, которые едва не погибли из-за моей беспечности.

Месье Доризо не считает это важным:

– Это всего лишь слуги. Простолюдины. Если бы речь шла только о них, то никакого дела вовсе бы не открыли. Вы заплатили бы небольшой штраф, и всё.

Но я не могу сдерживать слёз, когда на свидетельское место выходит ребенок лет семи – худой, бледный, испуганный.

– Это – самый старший из пятерых, – поясняет магистр. – Ему уже двенадцать. Остальные слишком малы, чтобы заслушивать их в суде. Не беспокойтесь, сударыня, я уже провёл с ним работу. Он понимает, что ему грозит, если вдруг он решится сказать правду.

И хотя от месье Доризо зависит моя свобода, ни малейшей симпатии к нему я уже не испытываю. Представляю, как запуганы бедные дети.

Мальчик называет свое имя – Себастьян (фамилию он произносит неразборчиво). Потом на вопрос обвинителя, заикаясь, отвечает, что госпожа графиня никогда не обращалась с ним дурно, и что кормят в поместье сытно даже тех, кто в силу болезни или возраста не может работать. А худой он оттого, что не любит есть кашу и картошку и всегда отказывается от них.

Теперь уже возмущение зала направлено не против меня.

– Экий барин! – выкрикивает с задних рядов какой-то мужчина.

Хотя большинство, я думаю, понимает, что ребенок всего лишь повторяет то, чему его научили.

– А откуда же синяки у тебя на руках и ногах? – не унимается месье Совиньон.

На что Себастьян едва слышно бормочет:

– Я подрался, месье.

Обвинитель грозит ему наказанием за обман суда, но мальчика куда больше пугает месть со стороны графини де Ламарк – он смотрит в мою сторону с таким страхом, что мне хочется попросить у него прощения за действия женщины, роль которой я сейчас играю.

Насколько я понимаю, взрослые слуги из поместья графини изначально отказались свидетельствовать против хозяйки, так что и по этому пункту месье Совиньон вынужден признать свое поражение.

Неожиданно выясняется, что самое серьезное обвинение – это ненадлежащее управление драконьей фермой – именно за него по кодексу местных законов грозит аж до пятидесяти лет тюрьмы.

– Ее сиятельство прекрасно понимает, что речь идет о священных животных, – не говорит, а почти поет месье Доризо. – И у нее, конечно, не было намерений причинять им вред. Человек, отвечавший за содержание драконов, большую часть денег, которые графиня доверчиво ему отпускала, клал себе в карман, из-за чего животные не получали нужного количества корма. Я намерен был привести этого мошенника в зал суда, но он, к сожалению, сбежал, и его нынешнее местонахождение мне неизвестно.

Когда магистр опускается на стул, я печально уточняю:

– И куда же делся этот человек?

Не удивлюсь, если узнаю, что мой шустрый адвокат пошел на самые крайние меры.

– С ним всё в порядке, ваше сиятельство, – заверяет он меня. – Он получил достаточно, чтобы безбедно жить за пределами Виларии.

Ага! Так вот как называется страна, в которой я оказалась!

Мой умелый адвокат сумел посеять толику сомнений в умах публики, но, похоже, не смог повлиять на отношение ко мне судьи – смотрит он на меня, как и прежде, – строго, почти враждебно. Я уж не говорю про обвинителя!

– Даже если я уважаемый суд примет во внимание всё то, что сообщил нам мой любезный коллега, – начинает месье Совиньон, – то это не даст ему возможность освободить обвиняе-

мую. Даже при наличии смягчающих обстоятельств остаются обвинения в халатности (пусть даже невольной). За всё, что происходит в поместье де Ламарк, как ни крути, несет ответственность именно ее сиятельство. Мне жаль, что она доверилась ненадежным людям и сама же пострадала от этого, но по своду законов Виларии, чтобы полностью снять столь серьезные обвинения с подсудимой, нужны обстоятельства высшей степени важности, связанные с защитой государственных интересов.

– И у нас таковые есть! – довольно невежливо перебивает его мэтр Доризо.

Обвинитель недоверчиво усмехается, а судья требует:

– Так огласите их, мэтр!

Мой адвокат поднимается и, прокашлявшись, громко зачитывает текст, написанный на красивой (кажется, гербовой!) бумаге:

– Высочайшее дозволение на открытие в поместье де Ламарк магической школы для особ женского пола. Подписано двадцатого числа сего месяца собственноручно его величеством Луисаном Десятым.

Он обводит зал торжествующим взглядом, не забывая особо остановить его на своем главном оппоненте, отчего лицо месье Совиньона багровеет.

– Насколько я знаю, обучение магии лиц дворянского происхождения относится к вопросам государственной безопасности и является одной из главных задач нашего государства. А руководители магических учебных заведений имеют особые королевские преференции и защищены законом от судебного преследования.

Ого! Несмотря на то, что методы месье Доризо мне ничуть не импонируют, я не могу не восхититься его профессионализмом. Неужели, обвинения будут сняты так легко?

Интересно, сколько стоило получить подобное дозволение у самого короля? Должно быть, целое состояние.

Не то, чтобы судьба графини де Ламарк меня так сильно волновала, но поскольку на некоторое время она стала моей судьбой, то я предпочитаю провести это время в поместье, а не в тюрьме. В заключении разобраться с тем, куда меня занесло, и почему это случилось, было бы крайне затруднительно.

Но, похоже, обрадовалась я слишком рано.

– Чушь! – подает из ложи голос герцог де Шанталь. – Уважаемому мэтру должно быть прекрасно известно, что руководить магической школой не может лицо, само не владеющее магией. А, насколько я знаю, у ее графини де Ламарк нет ни капли собственной магии.

Я не знакома с правилами местного судопроизводства, но догадываюсь, что никакого права вмешиваться в ход судебного заседания у публики нет. Даже если эта публика – первое лицо герцогства.

Да это просто неприлично! В конце концов, речь идет о женщине! А герцог – благородный мужчина. Ну, по крайней мере, должен бы таковым быть.

От этих мыслей меня отвлекает голос сидящей неподалеку от нас пожилой женщины в бордовом платье с красивым кружевом.

– Бедняжка! – сообщает она своей соседке. – Его светлость прав – девочка напрочь лишена магии. Но это не ее вина.

Должно быть, у нее проблемы со слухом, потому что говорит она гораздо громче, чем следует.

– Уже ее мать не имела ни капли магии, так что же могло достаться ей самой? Хотя ее дедушка был лучшим магом нашего герцогства, и все ожидали, что его способности перейдут к его детям. Увы, они были пусты, и с этим ничего нельзя было поделать. Я помню, как он расстроился, когда это осознал.

Она смотрит на меня с сочувствием, и мне уже тоже становится чуточку жаль ту женщину, которую я вынуждена заменять. Похоже, в этом мире магия значит очень много, а ее

отсутствие делает людей людьми второго сорта. Не из-за этого ли графиня так ополчилась на весь свет?

– Как справедливо заметил его светлость, обвиняемая лишена магии, – резко говорит судья, – а значит, дозволение на открытие ею магической школы не действительно.

Я вздрагиваю от его хлётского тона. Месье Доризо ободряюще касается моей дрожащей руки и тихо говорит:

– Не волнуйтесь, ваше сиятельством! – а потом повышает голос. – Ваша честь, позвольте вам напомнить, что дозволение подписано самим его величеством, чего, конечно же, не случилось бы, не будь у моей клиентки права на открытие магической школы. Да, при рождении ее магия почти не проявилась, но разве нам не известны случаи, когда это случалось гораздо позднее, уже в совершеннолетнем возрасте?

– Вы хотите сказать, что именно это и случилось с вашей клиенткой? – месье Совиньон полон скептицизма. – В таком случае, вам придется это доказать.

Это ничуть не смущает моего адвоката:

– Разумеется, коллега, разумеется, – он находит на столе еще одну бумагу – тоже весьма внушительно оформленную. – Вот результаты оценки магического уровня моей подзащитной. В состав комиссии входили несколько уважаемых столичных магов из королевской академии. Надеюсь, их опыт и квалификация не вызовут у вас сомнений?

Уверена, что расходы на подкуп этих уважаемых магов тоже будут включены мэтром в счёт, который должна будет оплатить графиня.

– А если вызовут? – снова вмешивается герцог.

Ух, я его уже почти ненавижу! Что за несносный мужчина? Решительно не джентльмен!

Мне кажется, мой защитник вполне разделяет мое негодование.

– В таком случае, ваша светлость, – с заметной досадой отвечает он, – нам придется провести повторную оценку магии моей подопечной, что затянет процесс на несколько недель – ведь магический муленир, который позволяет измерить уровень магических способностей, есть только в королевской академии. И это в дальнейшем даст нам основание обратиться за соответствующей компенсацией за незаконное удержание под стражей.

Судья нервно ерзает на стуле. Не удивлюсь, если часть этой компенсации он будет вынужден выплатить лично. В самом деле, не из королевской же казны выделять на это средства?

– Вынужден разочаровать вас, уважаемый месье Доризо, – улыбается герцог, – но я привез из столицы свой собственный муленир. Я немедленно велю доставить его из замка. Мы сможем убедиться в магических способностях ее сиятельства (или что вернее – в их полном отсутствии) уже через пару часов.

Теперь уже торжествуем не мы с мэтром, а наши противники. И я впервые вижу, что мой адвокат уже не так уверен в себе.

4. Эжени. Эксперимент

Судья объявляет перерыв, и публика высыпает на улицу, оставляя нас с месье Доризо и несколькими охранниками в душном зале.

– Кто бы мог подумать, что у его светлости есть собственный муленир? – кусает губы мой защитник. – Это чрезвычайно дорогое устройство – в него должно быть заложено несколько драгоценных камней разного вида. Я был уверен, что он существует только в нескольких экземплярах, и все они находятся в столице.

Я молчу. А что я могу сказать по этому поводу? Я не имею представления не только о каких-то там муленирах, но и о магии вообще.

Один из охранников открывает окно, и в помещение врывается поток свежего воздуха, сметающий бумаги с нашего стола. Мэтр торопливо подбирает их с пола.

– Я думаю, ваше сиятельство, что лучше заранее составить ходатайство о признании муленира неисправным. Это даст нам некоторую отсрочку, хотя и, признаю, еще больше настроит против нас судью.

Похоже, мне не нужно убеждать его, что магия у меня отсутствует. Он понимает это и сам. И весь его блеф был рассчитан только на то, чтобы впечатлить суд подписью короля на каком-то способом полученном документе. А как я потом стала бы выкручиваться из всей этой катавасии с магической школой, его не интересовало. К тому времени, как я стала бы ее владелицей, он уже отбыл бы в столицу с весьма приятным гонораром. А меня бы, возможно, снова отдали под суд.

– Как действует это устройство? – я спрашиваю лишь для того, чтобы заполнить затянувшуюся паузу. Молчание сейчас действует на меня угнетающе.

Похоже, что и на месье Доризо тоже, потому что он охотно принимается объяснять:

– Это небольшая шкатулка, внутри которой в определенной последовательности размещены пять самоцветов, между которыми стоит крохотная золотая пирамида с очень острой верхушкой, которой вы должны будете уколоть свой палец. После этого драгоценные камни должны засиять. Легче всего откликается на магию илектр – он зажигается, даже если у человека очень слабые способности. Потом – диамант, смарагд, синий яхонт. И наконец – яхонт красный.

– Что будет, когда камни не зажгутся? Меня сразу признают виновной и отправят в тюрьму? Ведь как только будет доказано, что у меня нет магии, подписанное королем разрешение на открытие магической школы станет недействительным?

Мне уже мерещится камера в местной тюрьме – темная, сырая, с кучей крыс. Дрожь пробегает по телу.

– Нет-нет, что вы! Мы будем биться до последнего! Признать недействительной документ, подписанный самим его величеством, не так-то просто. Судья настроен решительно, но он – человек осторожный. Заявить, что королю подали на подпись бумагу, содержащую недостоверную информацию, – значит, нажать себе серьезных врагов при дворе. Ведь кто-то же эту бумагу подготовил! Я буду настаивать, что муленир его светлости не исправен.

– Они привезут из столицы другой муленир, – со вздохом откликаюсь я.

– Да, – соглашается он, – но на это потребуется время. А затягивать процесс не в интересах судьи. К тому же, сейчас, когда мы выложили на стол наш главный козырь – школу магии для девочек, – у меня есть к нему деловое предложение.

Перерыв заканчивается, и зрители потихоньку возвращаются в зал. Честное слово, я чувствую себя так, словно нахожусь на сцене театра. Только вот быть актрисой мне совсем не нравится.

– К кому предложение? – переспрашиваю я, когда до меня доходит смысл слов моего адвоката. – К судье? Разве вы имеете право с ним разговаривать тет-а-тет?

Я боюсь, как бы он не вляпал меня еще в какую-нибудь историю – с него станется. Одно дело шантажировать свидетелей и совсем другое – судью.

Но месье Доризо беспечно машет рукой и удаляется.

Я сижу на скамье одна. Мне неуютно от десятков бросаемых на меня взглядом – осуждающих, презрительных, любопытных.

А я даже не знаю, как выгляжу в этом мире. Я смотрю на свои руки и понимаю, что это – руки графини де Ламарк. У меня самой никогда не было таких красивых ухоженных ногтей. И волосы – тоже ее. В реальности мои – совсем другого цвета.

Разумеется, в зале суда нет зеркал, и я жалею, что не попросила мэтра Доризо принести хотя бы маленькое зеркальце. То-то бы его удивила моя просьба. Хотя, возможно, и не удивила бы – наверняка, настоящая графиня – та еще модница и кокетка.

Адвокат возвращается, довольно мурлыча что-то себе под нос.

– Вам что, удалось поговорить с судьей? – изумляюсь я.

Он невозмутимо отвечает:

– Конечно! Думаю, скоро вы заметите в нём перемены.

И я в самом деле это замечаю. Когда судья снова устраивается на своем рабочем месте, я осознаю, что он смотрит на меня без прежней враждебности. Нет, он не посылает мне улыбки, но уже и не поджимает гневно губы, когда обращается в мою сторону.

– Ваша светлость, ваш муленир уже доставлен в зал суда? – довольно резко спрашивает он у герцога.

– Еще нет, ваша честь, – отвечает тот. – Но уверен, это случится уже в ближайшие несколько минут.

Судья качает головой, отчего кудряшки на его парике забавно колышутся.

– Мы не можем ждать слишком долго, ваша светлость! Если через четверть часа устройство не появится, я вынужден буду отказаться от данного опыта и объявить решение по этому делу, полагаясь исключительно на те доказательства, что уже были представлены суду.

И снова благожелательный взгляд в мою сторону. Мне это снится?

– Чем вы его запугали, месье? – шепчу я на ухо мэтру Доризо.

Он так же тихо отвечает:

– Как вы могли такое подумать, ваше сиятельство? Он – должностное лицо при исполнении! – и еще больше понижает голос. – Я его не запугал, а подкупил. Пообещал, что его дочь будет учиться в вашей школе бесплатно. А вы не представляете, как аттестат выпускницы магической школы увеличивает шансы девицы успешно выйти замуж или занять место при королевском дворе.

Судя по всему, это действительно так. Потому что судья смотрит на меня уже едва ли не с обожанием.

– А у его дочери есть магические способности? – интересуюсь я.

– Ни малейших! – хмыкает Доризо. – Но тем ценнее наше предложение. Ни в какую другую магическую школу ее бы просто не взяли.

Меня шокирует та легкость, с которой он готов нарушить закон. Но, что ни говори, сейчас это идет мне на пользу.

Идут последние минуты отведенной судьей четверти часа, и мы с адвокатом уже отсчитываем секунды.

Если судья решится признать меня невиновной и освободить прямо здесь, в зале суда, боюсь, герцог де Шарлен будет крайне недоволен.

– Судья никогда не решится на это, – предполагаю я.

Но Доризо уже обрел прежнюю уверенность.

– Решится, ваше сиятельство. Герцог почти всё время проводит в столице и здесь бывает крайне редко. А вот дочь у господина судьи – прямо под боком. И через пару лет она будет уже на выданье.

Нашей беседе мешает вошедший в зал мужчина. Он идет по проходу между креслами, и шпоры его мерно звякают. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять – это тот самый посыльный с мулениром.

Так оно и оказывается.

Пока устройство водружают на массивном столе судьи, в зале стоит ужасающая тишина. Сам судья во время этих действий чувствует себя не слишком комфортно. Герцог не позволил ему принять то решение, которое отвечает его семейным интересам.

– Прошу вас, ваше сиятельство, – его светлость по-прежнему сидит в ложе, но ловко руководит оттуда этим экспериментом, – подойдите к столу.

Я испуганно смотрю на месье Доризо, но тот только молча кивает. Похоже, что отвертеться от этого эксперимента всё-таки не получится.

Зал окончательно замирает, когда я подхожу к столу. Всё, как и говорил мэтр – в шкапулке находится что-то вроде бархатной подушечки с пятью драгоценными камнями. Секретарь суда услужливо подсказывает мне, что я должна уколоть палец золотой пирамидкой.

Затравленно оглядываюсь. Герцог смотрит на меня с усмешкой. Доризо – с ободрением, а судья – виновато.

Касаюсь острой макушки пирамидки указательным пальцем и тут же вскрикиваю. На пальце появляется капелька крови.

И судья, и обвинитель, и адвокат подаются вперед. Проходит одна секунда, другая, третья.

И вдруг один из камешков на подушечке (очень похожий на наш янтарь!) вспыхивает.

– Наличие магии у подсудимой подтверждено! – вопит судья и с резким звуком опускает молоточек на стол.

Он как будто боится, что огонь в камне потухнет прежде, чем он успеет признать меня невиновной.

5. Эжени. Графиня де Ламарк

Когда начинает мерцать второй камень (судя по всему – бриллиант), мне кажется, что половину зала хватит удар. Месье Совиньон просто впадает в ступор. Он силится что-то сказать, но только открывает и закрывает рот – как попавшая на сушу рыба.

Думаю, что если бы вдруг засветились все пять камней, то герцогство лишилось бы и своего руководителя (или кто он у них тут?), потому что его светлость так сильно подается вперед, что едва не вываливается из ложи. Конечно, ему оттуда плохо видно! А он так боится, что мы обманем его, что решает проверить чистоту эксперимента лично.

Но третий камень не светится, да и второй мерцает не очень энергично. Но это и не требуется.

Я не могу удержаться, чтобы не одарить герцога самой широкой из своих улыбок. Да, ваша светлость – муленир-то ваш бракованный! Потому что на самом деле магии у меня нет! Но то, что сбой в работе прибора произошел так кстати, меня радует. Наличие магии судом подтверждено, а значит, я могу управлять магической школой и имею право на судебный иммунитет.

Вслух я ничего не говорю – напротив, стараюсь вести себя как законопослушная гражданка.

– Поздравляю, ваше сиятельство, – мэтр Доризо касается моей руки. – Признаюсь, не ожидал.

А кто ожидал? Уж точно не я.

– Протестую, ваша честь! – наконец, обретает дар речи месье Совиньон. – Устройство не исправно! Мы все прекрасно знаем, что у графини де Ламарк нет магии. Как не было ее и у ее матери.

– Протест отклонен! – рявкает судья. – Мы не настолько хорошо изучили магию, чтобы утверждать, что она не может проявиться в человеке в совершеннолетнем возрасте.

Похоже, этот фарс ему тоже порядком поднадоел. Ему хочется домой – к жене и детям. Тем более, что он может порадовать дочь известием об учебе в магической школе.

В школе, которой должна управлять я. Я, которая совершенно ничего о магии не знаю. Ну, ничего, разберемся! Я хорошо знаю, что такое обычная школа – это тоже, скажу я вам, не подарок. А тут у них наверняка бюрократии не меньше. Пока кучу бумажек на открытие учебного заведения получу, настоящая графиня вернется. Вот и пусть она со всем этим сама разбирается – и со школой, и со слугами, и с драконами.

Через полчаса судья оглашает приговор – в связи с тем, что у обвиняемой появились особые обязанности по управлению школой магии для девочек, что служит защите национальных интересов, вступает в силу пункт пятый статьи семьдесят восьмой об особой неприкосновенности. В связи с чем на графиню де Ламарк налагается условное наказание по всем пунктам обвинения, кроме последнего. По последнему – еще и штраф.

Честно говоря, текст приговора кажется мне китайской грамотой. И я не уверена, что всё поняла правильно. Но по самодовольной улыбке, что появляется на губах моего адвоката, я догадываюсь, что ночевать я сегодня буду не в тюрьме.

И когда судья завершает свою речь фразой «и освободить подсудимую в зале суда», я не удерживаюсь и хлопаю в ладоши.

Вот так вот – шах и мат.

К нам подходят десятки людей – с поздравлениями и выражением почтения. Большинство из них наверняка куда больше радовались бы обвинительному приговору. Но я, как и месье Доризо, улыбаюсь в ответ и благодарю за поддержку. С волками жить – по волчьи выть.

Когда зал почти пустеет, нас одаряет своим вниманием сам герцог де Ламарк.

– Рад, что вам удалось сохранить свободу, ваше сиятельство, – чувствуется. Что каждое слово дается ему с большим трудом. – И я надеюсь, что полученный урок побудит вас более внимательно и серьезно относиться к своим обязанностям. Задача каждого дворянина – заботиться о тех, кто от него зависит. И теперь, когда вам доверена высокая честь руководить магической школой, я хотел бы думать, что вы пересмотрите свое отношение к делу.

– Разумеется, – серьезно киваю я. – И начну я с пересмотра платы за обучение. Думаю, вы не станете спорить с тем, что она должна быть гораздо больше?

Я говорю это лишь для того, чтобы его позлить. И мой адвокат меня не одергивает. Напротив – поддерживает:

– Ваша светлость, рад был знакомству. Сегодня мы были с вами по разные стороны фронта, но однажды, быть может, вы сами воспользуетесь моими услугами.

Герцог холодно отвечает:

– Простите, сударь, но мы с вами отнюдь не воевали. Я присутствовал на суде исключительно как частное лицо и не склонялся ни к одной из сторон.

Ага, как же! И не стыдно ему врать? То-то же он не поленился предложить суду свой муленир – наверно, от большой любви ко мне.

Меня пронзает внезапная мысль. А что, если у графини и герцога... Нет, не может быть. Хотя кто знает?

Ох, как многое мне о ней не известно. И как выяснить ее привычки, симпатии и прочее, не прибегая к прямым расспросам?

Уже в холле, на выходе из зала суда я замечаю большое зеркало и устремляюсь к нему, довольно невежливо бросив месье Доризо на лестнице.

Со светлой гладкой поверхности смотрит на меня шатенка с зеленовато-серыми глазами, тонким носом, яркими (а ведь на них ни следа помады!) губами, изящными руками и точеной фигурой.

Ох, да я – красавица!

Ночь я провожу в гостинице (не знаю, как такие заведения называются здесь) – небольшой и очень шумной. На первом этаже до утра поют песни подвыпившие постояльцы, и хозяину даже в голову не приходит как-то их урезонить. Похоже, здесь это в порядке вещей. Так что засыпаю я только на рассвете, а выезжаю из города уже после полудня.

Всю дорогу до поместья де Ламарков я пребываю в задумчивости. Мэтр Доризо остался в городе, чтобы подписать какие-то документы, которые должен подготовить секретарь суда, и я еду в карете одна.

Мне нужно определиться, как вести себя в роли графини. Я не знаю о ней почти ничего. Не знаю ее привычек, ее манер. Не знаю, кого она любила, а кого – ненавидела.

А ведь сейчас, после выигранного дела, в поместье рекой потекут друзья и соседи – чтобы выразить почтение, восхищение и т.д. и т.п. И с ними нужно будет вести беседы, называя их по именам.

Допустим, с титулами я как-нибудь разберусь – зря, что ли, столько романов Дюма в детстве перечитала? Здесь, вроде, похожая система. К герцогу обращаются «его светлость», к графине – «ее сиятельство». Нужно еще выяснить, что там с баронами и маркизами. Но тут главное – слушать и запоминать.

А вот с именами сложнее. Предположим, в первый день после возвращения домой я еще могу сослаться на то, что судебная тяжба так сильно повлияла на меня, что я не хочу ни с кем разговаривать. Но рано или поздно мне придется общаться с людьми, которые окружали графиню. Конечно, вряд ли она знала имена всех слуг в своем поместье (в конце концов к какому-нибудь лакею хозяйка может просто обратиться «эй, ты!»), но неплохо бы выяснить, как зовут хотя бы ее горничную и управляющего. Если я не буду узнавать тех, кого графиня знала с детства, боюсь, меня примут за сумасшедшую.

Из окна кареты открывается вид на красивое двухэтажное здание с эркерами, стоящее на ровном зеленом лугу. Облегченно вздыхаю. Кажется, в поместье графини порядок. Надеюсь, я смогу ничего там не испортить.

Через пять минут карета останавливается перед крыльцом. Споро подбежавший лакей распахивает дверцу и помогает мне выйти. А по ступенькам уже спускается молодая женщина со светлыми (словно соломенными!) волосами, уложенными в простую прическу.

– Как я рада вашему возвращению, ваше сиятельство!

Интересно, кто она? Судя по тому, как почтительно она преклоняет голову, не подруга и не близкая родственница. Экономка? Компаньонка? Ох, как же всё сложно!

– Я тоже очень рада вернуться домой, – даже эти простые слова даются мне с трудом.

То, что я успела узнать о графине в зале суда, характеризует ее как человека весьма властного (вон, как ее боятся слуги!), решительного и не всегда соблюдающего закон. Но вот какой она была с близкими ей людьми? С теми людьми, которые как раз и смогут обнаружить подмену.

– Я взяла на себя смелость распорядиться об обеде, – сообщает блондинка и замирает, ожидая моего ответа.

Я только киваю. Обед – прекрасная идея. У меня уже урчит в желудке. Надеюсь, кормят тут прилично.

Я вхожу в здание, стараясь не выдать свое любопытство. Внутреннее убранство особняка вполне соответствует его внешнему облику. Всё здесь устроено стильно, разумно и выдает хороший вкус хозяйки. Никакой излишней помпезности или показной роскоши.

Окна столовой выходят на красивый парк, и прежде, чем подойти к заставленному яствами столу, я люблюсь открывшимися видами. Большой пруд с лебедями, уютная беседка на небольшом острове, ровные аллеи.

Блондинка подает знак выстроившимся с подносами возле дверей слугам.

– Я не знала, что ваше сиятельство захочет на обед, а потому велела повару приготовить несколько перемен блюд.

Мне кажется, что на столе уже достаточно всякой еды, но не ругать же девушку за услужливость?

Блондинка тоже садится за стол в некотором отдалении от меня. Значит, не экономка. Возможно, дальняя родственница из почтенной, но разорившейся семьи.

Сначала я пробую очень вкусный рыбный паштет с зеленью – такой нежный, что он просто тает во рту. Потом – заливное из рыбы.

Моя сотрапезница весьма умеренна в еде. Проще говоря – она клюет как птичка. То ли стесняется, то ли заботится о фигуре.

Подают уху из похожей на стерлядь рыбы. На горячее – запеченного карпа, тушеного в сметане угря и еще какую-то неизвестную мне жареную рыбу. Нет, всё это очень вкусно, но я всегда предпочитала мясо.

От десерта я решительно отказываюсь. Я уже так наелась, что не смогу проглотить ни кусочка.

– Что пожелаете на ужин, ваше сиятельство?

Я задумываюсь. Наверно, здесь у каждого блюда есть свои названия, и если я потребую гуляш или стейк из свинины, то могу попасть впросак.

– Даже не знаю, – бормочу я, – возможно – запеченную говядину.

Надеюсь, это достаточно нейтрально?

Но девушка почему-то смотрит на меня с изумлением:

– О, ваше сиятельство! Но вы же не едите мясо!

Вот ведь засада! И сколько еще таких капканов поджидают меня в поместье?

Конечно, можно сделать вид, что она не расслышала, и я имела в виду запеченную рыбу, но, боюсь, без мяса я тут долго не протяну. Поэтому я решительно подтверждаю:

– Теперь уже ем. Или вы думаете, что пока я находилась в городе под следствием, кто-то интересовался, что я хочу на обед? Я вынуждена была есть то, что мне приносили, и поняла, что много лишалась, отказываясь прежде от мяса.

– О, простите, ваше сиятельство! – девушка полна раскаяния. – Я не подумала об этом. Я пытаюсь подбодрить ее улыбкой:

– Ничего, всё в порядке. А сейчас я хотела бы отдохнуть. Дорога меня немного утомила. Но вместо того, чтобы отвести меня в спальню, девушка топчется на месте:

– Разве вы не зайдете к ее светлости?

Что? Какая еще светлость?

Блондинка торопливо добавляет:

– Ваша бабушка так беспокоилась о вас!

Нет, ну это уже чересчур! Только бабушки мне тут и не хватало!

6. Эжени. Моя почти бабушка

Должно быть, у меня после ее слов вытягивается лицо, потому что блондинка краснеет и принимается торопливо оправдываться:

– Простите, ваше сиятельство! Я понимаю, что и суд, и дорога были крайне утомительны, и вам просто необходимо отдохнуть. Но ее светлость...

Так, стоп! Она называет какую-то бабушку «ее светлость». Но ведь это значит, что та – герцогиня. А этот титул куда более высокий, чем графский. Как всё запутано!

Чем больше я думаю об этом, тем больше склоняюсь к мысли, что мне нужна сообщница. Та, которой я расскажу всю правду, и которая будет постепенно вводить меня в курс дела. Мне всё равно без этого не обойтись. Мне придется открыться хоть кому-то – чтобы сохранить тайну для всех остальных. И этот кто-то расскажет мне о графине и о поместье, будет называть мне имена прибывающих сюда гостей.

Да, это серьезный риск, но я вынуждена буду на него пойти. А иначе все узнают, что я – самозванка. Я ничего не знаю не только об Эжени де Ламарк, но и о стране, в которой оказалась. А было бы неплохо хоть немного ориентироваться в ситуации.

А эта блондинка кажется мне вполне подходящей кандидатурой на роль моей наперсницы. Если она поверит мне, если поддержит меня, то станет просто кладезем полезной информации. Нужно только объяснить ей, что я оказалась тут не по своей воле и ничуть не желала зла ее настоящей хозяйке.

Мое молчание девушка принимает за неодобрение и расстраивается еще больше.

– Я знаю, ваше сиятельство, что вы не любите ее. Но прошу вас – проявите капелючку почтения к ее возрасту.

Значит, между графиней и ее бабушкой – отнюдь не идиллические отношения. Ну, что же, это даже к лучшему. Может быть, мне удастся хотя бы на время отложить этот визит. Одно дело – общаться с друзьями и знакомыми графини. И совсем другое – с близким ей человеком.

– И я понимаю – она вам не совсем бабушка...

Ох, да что же это такое? Как это – не совсем бабушка?

Девушка будто читает мои мысли (хотя, надеюсь, это не так):

– Она всего лишь сестра вашего дедушки. Но она – самая старая представительница рода де Ламарков, и я прошу вас...

Значит, сестра дедушки. Того самого дедушки, который когда-то влюбился в мою настоящую бабушку. Быть может, она даже сама была знакома с бабой Надей. От мысли об этом у меня начинает кружиться голова. Нет, ото всего этого я скоро чокнусь!

Я решаю отложить доверительный разговор с блондинкой хотя бы до вечера. А вот с этой «почти бабушкой» можно познакомиться прямо сейчас. Ей, наверно, уже лет восемьдесят, не меньше, что для прошлых веков (а я же не в будущем оказалась!) весьма почтенный возраст. И она наверняка плохо видит и плохо слышит.

– Вы, конечно, можете сказать, что она тоже не любит вас, и будете правы...

Ого, так нелюбовь взаимна! Это еще больше упрощает дело. Я загляну к ней на минуточку, засвидетельствую свое почтение, поблагодарю за беспокойство и займусь другими делами.

Интересно, чем же графиня так провинилась перед своей двоюродной бабушкой? Хотя зачем мне это знать? Пусть разбираются сами.

– Герцогиня – не самая приятная женщина, – продолжает лепетать девушка, когда мы идем по коридорам, направляясь, судя по всему, в другое крыло здания. – Но она так одинока, и мне так ее жаль!

Ну, что же – в этом мы с ней похожи. В Виларии трудно отыскать человека, более одинокого, чем я.

Мы останавливаемся перед двухстворчатой дверью, которую блондинка открывает почти бесшумно.

– Я вас оставлю, хорошо?

И удаляется прежде, чем я успеваю хоть что-то ответить. Кажется, она эту бабушку не только жалеет, но еще и боится.

– Ну, что ты встала у порога? – доносится до меня громкий и хриплый голос. – Входи!

Окно в большой, но несколько мрачноватой комнате распахнуто настежь, но это не спасает воздух от едкого табачного дыма, который плавает тут повсюду. Сама герцогиня сидит в кресле с высокой спинкой. Собственно, только спинка кресла мне и видна, потому что оно развернуто к окну, и ее светлость не считает нужным ни встать, ни хотя бы обернуться в мою сторону. Еще я вижу ее руку – тонкую, с обвисшей кожей. И эта рука держит мундштук с сигаретой.

– Значит, ты вернулась, – герцогиня не спрашивает, а констатирует факт. – Впрочем, я не сомневалась, что ты сумеешь выкрутиться – после той-то суммы, что запросил адвокат! Надеюсь, он отработал свой гонорар с блеском?

Я всё-таки переступаю через порог и притворяю дверь изнутри.

– Ты не голодна? А не то я велю принести обед на двоих. Хотя ты же не ешь мясо. Но, думаю, Дениз уже об этом позаботилась.

Кажется, блондинку зовут Дениз. Уже хоть что-то.

– Она неплохая девушка, но уж слишком суетлива. И покорна как овца. Терпеть не могу таких.

Не знаю, зачем она хотела, чтобы я навестила ее? Чтобы говорить, ей не требуется собеседник. Но это даже к лучшему. Кто знает, не вызовет ли у нее подозрения мой голос?

– А ты слишком строга к ней. Всё-таки она – не служанка, а родственница, пусть и дальняя. Бедняжка не виновата, что ее брат проиграл подчистую все средства, которыми они располагали, и не нашел лучшего выхода, как застрелиться. Впрочем, ты дурно обращаешься не только с ней. Но это я еще могу понять – чего же можно было ожидать от дочери Клэр Арenville? Но вот то, что ты стала не чиста на руку, не лезет ни в какие ворота. Скажи на милость, зачем ты стала продавать поддельные документы? Разве тебе не хватало тех денег, что приносило поместье? Какое позор для де Ламарков! Хорошо, что твой дедушка Рауль не дожил до этого дня.

Она затягивается и выпускает в воздух новые кольца дыма.

– И не оправдывайся, – строго говорит она, хотя я вовсе и не делаю этого. – Поступок графа де Версен, конечно, выбил тебя из колеи, но то, что тебя бросил жених перед свадьбой – не повод становиться преступницей.

Ну, вот – еще и подлец-жених на мою голову!

Она по-прежнему даже не смотрит на меня. И разговаривает сама с собой, хоть и обращается вроде бы ко мне. Но то, что ее светлость не жалуется графиню де Ламарк, я поняла бы и без предупреждения Дениз.

– В тебе слишком много гордыни, дорогая! Не гордости, а именно гордыни. Да, я вполне понимаю твое уязвленное самолюбие. Но согласись – о том, что твой жених бесчестен, лучше узнать до свадьбы, а не после неё.

Я в ответ только киваю, хоть и понимаю, что она не увидит моего кивка.

– Да что ты топчешься у дверей? – сердится она. – Подойди поближе.

Когда я подхожу почти к самому ее креслу, она, наконец, снисходит до того, чтобы повернуться в мою сторону. Наши взгляды встречаются лишь на мгновение: мой – настороженный и ее – почти презрительный.

И мундштук вдруг выскальзывает из ее руки и падает на ковер.

Я торопливо наклоняюсь, подбираю его, убеждаясь, что ворс не пострадал. А когда снова принимаю вертикальное положение, то вздрагиваю, замечая, как переменялась герцогиня. Ее мутновато-зеленые глаза полны слёз, а руки дрожат так, что у нее не получается поднести к лицу платочек.

– Неужели, это оказалось возможным? – шепчет она. – Через столько-то лет?

Я почти уверена – она поняла, что я – не графиня. Но как она догадалась? Ведь я еще не произнесла ни слова. И если это настолько явно, то это поймут и другие.

Я замираю, готовясь к тому, что она схватит со стола колокольчик и вызовет на подмогу слуг. А потом обвинит меня в том, что я завладела телом ее внучатой племянницы, и я снова окажусь в тюрьме. Только теперь у меня не будет денег на адвоката.

Но старая женщина не предпринимает никаких действий, чтобы меня разоблачить. Она только смотрит на меня и плачет.

– Как ты оказалась здесь, дитя мое? – тон ее сейчас совсем другой, чем пять минут назад.

Я не уверена, что должна сказать правду. Может быть, лучше всё отрицать? Но я не думаю, что у меня получится. А герцогиня, кажется, отнюдь не негодует. Напротив, она нежно касается моей руки.

И я решаюсь рассказать всё, как есть. Мне надоело притворяться, бояться и врать. Да и без поддержки мне тут не обойтись.

– Я не знаю, ваша светлость, – бормочу я и по ее знаку опускаюсь на стоящий рядом низенький пуфик. – Всё, что произошло, – полная неожиданность для меня самой.

Пока я еще ни в чём не призналась. Я жду ее ответных слов. А она хочет конкретики.

– Когда ты попала в тело Эжени?

Я чувствую дрожь во всём теле. Я как будто снова попала в зал суда.

– Я оказалась прямо на скамье подсудимых, – слова даются мне с трудом.

Герцогиня вздыхает:

– Бедная девочка! Представляю, каким ужасом это для тебя стало! Но я надеюсь, тебя хотя бы предупреждали, что однажды это может случиться?

Я мотаю головой. Кто меня мог предупредить? Бабушка? Да, она пыталась это делать, только никто не верил ей.

– Как вы узнали, что я – не Эжени?

Она усмехается:

– У тебя совсем другой взгляд. Я видела такой однажды – давным-давно, когда была еще молода.

Она всё-таки берет в руки колокольчик, но когда на зов прибегает служанка, то распоряжается всего лишь об обеде.

– И накрой на двоих. Да-да, на двоих! Ну, что ты застыла как изваяние? Что странного в том, что моя внучка пообедает вместе со мной?

Когда за горничной закрывается дверь, герцогиня уточняет:

– Надеюсь, ты ешь мясо? Никогда не могла понять, почему Эжени его не жалует.

Я совсем не голодна, но через несколько минут послушно сажусь за накрытый стол. Похоже, герцогине готовят отдельно, и у меня, несмотря на сытость в желудке, при взгляде на запеченные птичьи крылышки снова просыпается аппетит.

– Ее звали Надин, – говорит ее светлость. – Ту девушку, что когда-то попала сюда из другого мира.

У меня на глаза тоже наворачиваются слёзы.

– Это – моя бабушка, – шепчу я и откладываю вилку в сторону.

Герцогиня кивает:

– Да, я догадалась. Она была молода, красива и очень напугана. Кто угодно бы напугался, если бы с ним приключилось такое. Думаю, она рассказывала тебе об этом?

Мне стыдно признаться, но я отвечаю:

– Она рассказывала. Но ей никто не верил. Даже я. В нашем мире нет магии.

Ах, если бы я тогда слушала ее внимательнее!

– Да-да, я знаю, – улыбается ее светлость. – Она говорила нам об этом. Мне и Раулю – никто другой, кроме нас, о ней не знал. Нам казалось это странным. Мир без магии – что может быть ужаснее?

– Кажется, она пробыла здесь совсем недолго, – насколько я помню, речь шла всего о нескольких днях.

Герцогиня снова кивает. Она уже тоже не думает о еде.

– Мой брат тогда как раз занимался исследованием возможности перемещения между мирами. Это – очень сложная магия, доступная лишь узкому кругу волшебников. И официально она запрещена. Проводить такие эксперименты слишком опасно – не только для исследователя, но и для государства в целом, как бы пафосно это ни звучало. Законы Виларии на этот счет весьма строги. Но Рауля это не останавливало. Он несколько лет бился над заклинанием, которое в конце концов позволило твоей бабушке оказаться у нас.

Значит, моего дедушку звали Рауль. Красивое имя. Может быть, бабушка даже называла его, но как жаль, что многое из того, что она говорила, я пропускала мимо ушей. Нет, мы с мамой никогда не смеялись над ней – просто считали ее фантазеркой.

– Она тоже попала в чье-то тело? – произнося эти слова, я содрогаюсь.

Но герцогиня считает это чем-то само собой разумеющимся:

– Да, в тело моей невестки.

Ох! Бедная бабушка! Какой ужас, должно быть, она испытала, оказавшись в постели с незнакомым мужчиной. Я-то хотя бы попала в тело незамужней графини.

Ее светлость, кажется, догадывается, о чём я думаю. Она смеется и грозит мне пальчиком.

– Нет-нет, дорогая, Рауль обошелся с ней как благородный мужчина. Он сразу понял, что она – не Жюстин и не требовал от нее исполнения супружеских обязанностей. Надин сама полюбила его.

Я недоверчиво хмыкаю:

– Влюбилась за несколько дней?

Но герцогиня не разделяет мой скептицизм:

– Иногда для любви достаточно одного только взгляда. Пойдем, я кое-что тебе покажу.

Мы встаем из-за стола и подходим к картине, висящей в другом конце комнаты. С холста на меня смотрит молодой мужчина – светлые вьющиеся волосы, высокий лоб, тонкий нос и пронзительные зеленые глаза. Он красив и печален. И да, я почему-то сразу понимаю – моя бабушка могла его полюбить.

7. Эжени. Тайны прошлого

– Он женился не по любви, – сообщает герцогиня, когда мы снова садимся за стол. – Наш отец так хотел породниться с Неймарами, что не стал слушать возражений Рауля. Неймары! Один из самых древних и магически сильных родов Виларии. Никто не сомневался, что в этом браке появятся дети, обладающие выдающимися способностями. Только после свадьбы мы узнали, что у Жюстин Неймар магии не было вовсе. Такое иногда случается – что дети не наследуют магию родителей. Наш отец был в гневе. И я могла его понять – родители невесты должны были предупредить нас о том, что Жюстин магически пуста.

– Разве они не могли расторгнуть этот брак? – удивляюсь я. – Раз он был основан на обмане.

Она качает головой:

– В Виларии не принято расторгать браки. Тем более, у столь благородных семейств. Мой отец совершил ошибку, но он сполна за нее расплатился – его хватил удар, когда он узнал, что сын Рауля и Жюстин родился без малейшей капли магии. Он мечтал, что его внук сделает блестящую карьеру при дворе, но это оказалось невозможно – занимать высокие должности имеют право только магически одаренные люди. Даже маг, который женат на женщине без магии, не может рассчитывать на хороший пост. Государству нужны сильные маги, и оно поощряет браки между теми, кто магией обладает. Так неразумный брак с Жюстин Неймар лишил наше семейство возможности быть подле короля.

Мы всё-таки приступаем к обеду. Куриные крылышки с хрустящей корочкой оказываются восхитительными, и мясо кабана в ягодном соусе – тоже выше всяких похвал. Правда, и того, и другого я отведаваю совсем по чуть-чуть – иначе, боюсь, платья графини придется перешивать.

– Рауль всегда тяготел к запрещенным опытам. Он в совершенстве владел той магией, которая была разрешена законом, и тянулся к тому, чего еще не знал. Он – едва ли не единственный в Виларии – практиковал порталную магию. Он строил нематериальные порталы и перемещался на огромные расстояния за пару секунд. Об этом нельзя было никому рассказать. Он делился своими достижениями только со мной. А все эти эксперименты с перемещением между мирами Рауль затеял лишь для того, чтобы отвлечься от своей семейной жизни. Они с Жюстин почти не разговаривали друг с другом. У нее были свои апартаменты и своя прислуга. Но однажды всё изменилось. Я думаю, ты понимаешь, дорогая, о чём я говорю. В тот день я выглянула в окно и увидела, как они идут по парку, держась за руки. Я подумала, мне показалось. Я выбежала на улицу, догнала их. Мне хватило одного взгляда на Жюстин, чтобы понять, что это – не она. Так я познакомилась с Надин. Я никогда не видела, чтобы кто-нибудь любил друг друга сильнее, чем твои бабушка и дедушка. Они и минуты не могли пробыть порознь, словно дышали друг другом и не могли надыхаться.

Я вытираю слёзы и шмыгаю носом. Не удивительно, что бабушка так и не вышла замуж.

– Но если он любил ее, то почему отпустил?

Герцогиня мрачнеет:

– Помнишь, я говорила, что магия перемещений в Виларии под запретом? За его нарушение – пожизненное заключение в самой страшной государственной тюрьме.

– Дедушка испугался содеянного и предпочел вернуть всех назад? – почему-то эта мысль мне неприятна.

Хотя следует признать, что он всего лишь поступил разумно. Провести остаток дней в тюрьме даже ради большой любви – удовольствие сомнительное.

Ее светлость смотрит на меня с осуждением.

– На этом настояла сама Надин. Но они оба тогда считали, что разлука будет недолгой. В наше поместье по дороге в столицу должны были приехать старшие братья Жюстин. Они были хорошими магами и сразу поняли бы, что перед ними – не их сестра. Тогда Рауль попал бы в тюрьму, а Надин была бы казнена. К тому же, твоя бабушка пожалела бедняжку Жюстин. Представляешь, каково ей было оказаться в вашем мире?

Еще бы! Автомобили, самолеты, поезда. И никакой магии.

– Они решили, что Рауль вернет назад обеих женщин. А спустя некоторое время устроит так, чтобы Надин вернулась – только в тело не Жюстин, а какой-нибудь простой девушки из нашего поместья. Нужно было только немного подождать.

Слуги приходят, чтобы переменить блюда, и герцогиня замолкает. Мы молча пробуем нежный молочный десерт. И только когда мы снова остаемся одни, разговор продолжается.

– Неужели Жюстин не рассказала братьям о том, что случилось? – удивляюсь я. – Она должна была догадаться, что попала в другой мир не случайно.

– К счастью, она даже не поняла, что была в другом мире. Твоя бабушка рассказывала, что первое перемещение состоялось, когда она гуляла по лесу. Именно там, в лесу, и оказалась Жюстин. Она заблудилась, и все те две недели, которые Надин пробыла здесь, Жюстин провела в лесной избушке. Она нашла там сухой хлеб и еще какую-то еду. Потом, когда она вернулась сюда, она подумала, что блуждание по лесу ей всего лишь приснилось. Мы с Раулем не разубеждали ее. Хотя, я думаю, какие-то подозрения у нее всё-таки появились. Потому что через несколько недель после этих событий сгорела библиотека в башне – именно там мой брат держал свои магические книги и проводил опыты.

Я начинаю догадываться, что произошло. И тихо шепчу:

– Там сгорело и то заклинание, которое дедушка подобрал с таким трудом?

Она подтверждает:

– Да. Заклинание было длинным и сложным, и в его памяти остались лишь его обрывки. Он тогда обезумел от горя и больше уже так и не пришел в себя. Перед смертью он сказал мне, что знает, что у него есть еще один ребенок – от Надин. Должно быть, он почувствовал это – не знаю, как.

Я вскакиваю:

– Но это же чушь! Если тело моей бабушки никуда не перемещалось, то как она могла оказаться беременной? Если бы она зачала ребенка, находясь здесь, то родить этого ребенка должна была уже Жюстин.

– Ты очень умная девушка! – хвалит меня герцогиня. – Ты права – я упустила одну небольшую деталь. Когда Надин вернулась в ваш мир, Рауль отправился туда вслед за ней. Он хотел убедиться, что перемещение пройдет благополучно. А еще хотел увидеть, как выглядит настоящая Надин. Ну и, конечно, проверить, сможет ли он построить портал в другом мире. Как ни странно, но у него получилось. Знали бы правители Виларии, какого мага они лишили страну из-за своих неразумных ограничений!

– Значит, он мог бы остаться в нашем мире? – я на миг представляю себе графа в маленьком советском колхозе и не могу сдержать улыбки.

– Нет, дорогая, не мог. Сильному магу без магии не обойтись. К тому же, здесь у него оставался маленький сын – пусть и от нелюбимой женщины. Думаю, Надин понимала это. Рауль вернулся домой спустя два дня. Не сомневаюсь, что эти два дня они провели вместе.

И всё равно я многого не понимаю.

– Он тоже после перемещения попал в чье-то тело в нашем мире?

– Нет-нет, он-то как раз путешествовал между мирами физически. Я же говорила – он сумел построить портал. Хотя это и потребовало от него слишком много сил – после возвращения он несколько дней провел в своей спальне. Думаю, после того как он восстановился, он сумел бы снова переместить Надин к нам, если бы не тот пожар в башне.

В ее голосе звучит боль.

– Но если заклинание было утрачено, и дедушка уже не смог его восстановить, то как я сейчас оказалась здесь? И когда я смогу попасть домой?

Герцогиня промокает губы салфеткой и, игнорируя первый вопрос, на второй отвечает негромко, но уверенно:

– Никогда! Ты никогда не сможешь вернуться назад. Твой дом сейчас здесь.

8. Эжени. Кое-что об обмане

Нет, извините! А меня кто-нибудь спросил? Одно дело – побыть в другом мире недельку-другую, и совсем другое – остаться тут навсегда.

– Но я не хочу! – почти кричу я. – У меня есть свой дом. Есть близкие люди, которые сразу поймут, что Эжени – совсем не я.

Ее светлость покачивает головой:

– Ты так в этом уверена?

– Да! – отвечаю без тени сомнения.

А сама задумываюсь. Ну, допустим, родителей обмануть точно не получится. Уж они-то как-нибудь меня узнают. Вернее, не узнают Эжени.

Но мы с родителями видимся так редко, что я даже и не вспомню, когда я приезжала к ним в деревню последний раз. Обходимся звонками и общением в социальных сетях.

Стоп! Но ведь графиня даже этого не сможет сделать! Представляю, какой шок она уже испытала, познакомившись с достижениями научно-технического прогресса. Чтобы освоиться в нашем мире, ей должен кто-то помочь. Кто-то, кто будет учить ее всему как маленького ребенка.

– Но разве вам не жаль Эжени? Она там пропадет! Если она начнет рассказывать о Виларии, магии и драконах, ее упекут в сумасшедший дом.

Но ни капельки жалости не отражается на морщинистом лице герцогини.

– Она спесива, алчна и лжива, но она отнюдь не глупа. Она поймет, что оказалась в другом мире, и постарается к нему приспособиться.

Легко сказать! Интересно, как она сможет приспособиться к работе в обычной средней школе? А поездкам в автобусе? А к отсутствию слуг?

– И вы так и не ответили мне, ваша светлость, как я попала сюда, если нужного заклинания больше не существует?

Я вижу, что она устала, но не готова дать ей передышку. А если вдруг ночью ее, как и когда-то прадедушку, хватит удар? Кто тогда расскажет мне правду?

Охая и взглядом взывая к моему великодушию, она перебирается в кресло.

– Тебе еще многое нужно узнать. Не лучше ли отложить разговор хотя бы до завтра? Ты и сама, должно быть, устала. Сначала суд, потом – утомительная дорога. Наверно, ты хочешь отдохнуть?

Но я только укрываю пледом ее ноги и устраиваюсь на пуфике, приготовившись слушать.

Она вздыхает:

– Ну, хорошо! Несколько дней назад я зашла в башню, где когда-то была библиотека – впервые за много лет. Там, на ступенях лестницы, я заметила, что из-под обрушившейся во время пожара черепицы торчит краешек закоптившегося листа. Наверно, если бы Рауль не потерял тогда рассудок, то сам бы его нашел. Я достала его и смогла разобрать написанные рукою брата строчки. Я сразу поняла, о чём идет речь. Отдельные фразы этого заклинания Рауль бормотал когда-то в бреду. Я прочла заклинание, думая о тебе. То есть, не именно о тебе, но о ребенке из нашего рода, оказавшемся далеко от нас. Я не знала, кто родился у Надин – девочка или мальчик. К тому же, я понимала, что у того ребенка уже могли быть свои дети. Я думала о ком-то, кто был потомком моего брата. И, честно говоря, я не была уверена, что заклинание сработает. Во-первых, я – весьма посредственный маг. Во-вторых, в таких сложных ритуалах обычно используются дополнительные атрибуты – руны или драгоценные камни. Поэтому, когда я прочитала заклинание, и ничего при этом не произошло, я постаралась просто об этом забыть.

Ага, забыть! Натворила дел и в кусты. Очень благородно.

Да уж, семейство де Ламарков, судя по всему, не готово нести ответственность за свои поступки. Взять хоть того же дедушку. Думал ли он, проводя свои опыты, о том, что кто-то может от них пострадать? Да наверняка ни секунды! Он двигал вперед науку!

– Но если заклинание сейчас у вас, значит, вы снова можете его прочитать и, тем самым, вернуть меня домой?

Такой вариант кажется мне настолько простым и понятным, что я не понимаю, почему она отвергает его. Да, конечно, в качестве графини де Ламарк я устраиваю ее больше, чем Эжени – во мне муленир обнаружил какую-то магию. Но я-то этой магии не чувствую и, даже если она есть, вряд ли когда-то разберусь, что с ней нужно делать! Да и должна же быть у старушки хоть малая толика привязанности к той внучатой племяннице, которую она знает с детства.

– Если бы это было возможно, дорогая, – еще один тяжкий вздох с ее стороны, – то я бы так и поступила. Но, к сожалению, листок с заклинанием рассыпался прямо у меня в руках, как только я прочитала текст. Он пострадал от огня и столько лет пролежал в башне.

Не уверена, что она говорит правду, но и доказательств ее лжи у меня нет. Ладно, разберемся по ходу дела. Тьфу ты, типун мне на язык – с некоторых пор слово «дело» имеет для меня крайне негативный оттенок.

– Ладно, – без особого оптимизма говорю я, – с дедушкой, вроде бы, разобрались. А что с родителями Эжени? Должна же я о них хоть что-то знать. Тем более, что и в зале суда, и от вас я слышала нелестные слова о ее матушке.

Герцогиня негодуяще потрясает кулачком.

– Я не хочу даже говорить об этой лгунье! Об ее обмане знает всё герцогство Шарлен!

Но я так выразительно смотрю на нее, что она сдается:

– Ну хорошо-хорошо, раз ты настаиваешь. Род Аренвилей – провинциальный и захудалый, хотя и славящийся своей магией. Да-да, чему ты удивляешься? В Виларии магия без денег значит не много. Чтобы служить при дворе, нужно окончить как минимум школу, а это – весьма недешевое удовольствие. Словом, Аренвили уже не одну сотню лет прозябали в глуши, пока моя невестка Жюстин не посчитала их достойными для того, чтобы с ними породниться. Как ты помнишь, сын Рауля – его звали Роландом – не имел магии, а значит не мог рассчитывать на брак с магически одаренной девушкой из знатной и богатой семьи. Но чтобы магия появилась хотя бы у детей Роланда, его женой должна была стать именно такая девушка. Жюстин решила, что они могут простить невесте бедность – лишь бы у нее была магия. Так выбор пал на уже не юную Клэр Аренвиль.

Я хихикаю. Термином «не юная» здесь наверно могут обозначить и девушку лет девятнадцати.

Ее светлость покачивает головой, осуждая мое легкомыслие. Ведь мы говорим о таких серьезных вещах!

– Жюстин прекрасно помнила, как в свое время ее семья обманула нашу, и чтобы не допустить того же со стороны Аренвилей, потребовала, чтобы наличие магии у невесты было подтверждено еще до помолвки. Мы отправились в столицу, дабы проверить способности Клэр в королевской магической академии.

– И она согласилась на такую проверку? – это кажется мне унижительным.

Герцогиня отвечает вопросом на вопрос:

– А что еще ей оставалось делать? Чтобы породниться с таким семейством как де Ламарки, еще и не на такое пойдешь. Она проходила проверку на муленире. Ты, как я понимаю, уже познакомилась с ним, и объяснять принцип его работы нет нужды. Муленир показал наличие вполне приемлемого уровня магии – на нее среагировали два камня из пяти. Тут же было объявлено о помолвке, а через пару месяцев состоялась и свадьба. Нужно ли говорить, что обман вскрылся только после того, как они стали законными супругами?

Ее светлость требует принести ей бокал вина – воспоминания о Клэр Аренвиль приводят ее в негодование, – и я послушно выполняю просьбу.

Она залпом осушает его до дна – весьма неаристократично, надо признать, – и только после этого оказывается способной продолжить рассказ:

– Уже после первой брачной ночи Роланд понял, что магия у его жены отсутствует напрочь. Он впал в такой гнев, что готов был растерзать ее прямо в спальне – обманщица вынуждена была признаться. Оказалось, что в день испытания девица привязала к своему пальцу крохотный мешочек из свиных кишок с каплей крови своего младшего брата. Именно эта кровь и попала в муленир. Да, бывает и так – у брата была магия, у сестры – нет. Откуда же было взяться магии у малышки Эжени?

У меня уже голова болит от такого обилия информации. Нужно запомнить хотя бы имена внезапно обретенных родственников.

– Но у моих родителей тоже не было магии! – горячусь я. – Значит, и у меня ее нет! А муленир ошибся!

– Ах, ну что за глупости! – удивляется она. – Откуда ты знаешь, что у твоей матери ее не было? Если в вашем мире не признают магию, это вовсе не значит, что ее на самом деле нет.

Наш разговор прерывает горничная:

– Простите, ваша светлость, но прибыл гость к ее сиятельству. Сам герцог де Шарлен!

Она говорит с придыханием. Ну, еще бы – первое лицо герцогства удостоило нас визита.

– Хорошо, – я уже чувствую беспокойство, – я сейчас приду. Пусть его светлость немного подождет.

А горничная скрывается, я спрашиваю бабушку, понизив голос:

– А между Эжени и его светлостью случайно не было связи?

Ну, а иначе с чего бы ему так ратовать за ее осуждение? Она обманывала многих – быть может, и его самого. Не в финансовых, конечно, делах, а в любовных.

Но герцогиня смеется:

– Конечно, нет! Откуда такие мысли? Эжени для него – птица слишком низкого полета.

9. Герцог де Шарлен. Разговор с графиней

Я прибываю в особняк де Ламарков исключительно для того, чтобы соблюсти правила этикета – в зале суда я был не на стороне графини, и теперь, когда формально она считается невиновной, требуется поздравить ее с таким благополучным (для нее, разумеется) завершением дела. Первое лицо герцогства и наследник королевского престола внешне должен оставаться беспристрастным, даже если на самом деле это не так.

Не я один считаю, что графиня выкрутилась из этой щекотливой ситуации лишь благодаря умелым действиям своего адвоката. Ох, и ловок же шельмец! И я должен дать ей понять, что ее притворно-покаянный вид отнюдь не обманул местное общество.

– Ваша светлость, ее сиятельство просила передать, что спустится к вам через несколько минут, – сообщает мне хорошенькая взволнованная горничная. – Если позволите, я принесу вам лимонной воды и ликера.

Графиня – женщина, и как всякой женщине ей нужно время, чтобы припудрить носик и надеть свое любимое платье, прежде чем выйти к гостям. Только это и побуждает меня не проявить раздражения и даже улыбнуться в ответ раскрасневшейся девушке.

Между прочим, из уважения к моему титулу вместо горничной ответ графини могла бы мне передать Дениз Ренуа. Я вспомнил милую светловолосую девушку – всегда покорно-печальную, – и мысленно ее пожалел. Быть приживалкой у графини де Ламарк – та еще радость. А ведь ее отец когда-то был удостоен ордена воинской чести – высшего ордена Виларии, который вручается самим королем. Нужно будет спросить у Маршала, получает ли она военную пенсию.

Графиня появляется в гостиной только через полчаса – после того, как я пять раз измерил комнату шагами и выпил три рюмки довольно недурного ягодного ликера.

– Рада приветствовать вас, ваша светлость, – она приседает в низком реверансе, демонстрируя при этом не очень скромное декольте.

Как ни странно, сама при этом заметно смущается.

– Позвольте поздравить вас, ваше сиятельство, с удачным завершением дела в суде, – я отвечаю ей вежливый поклон. – Надеюсь, недолгое заключение и тревожения этого дела не нанесли серьезного ущерба вашему здоровью.

– Благодарю вас, ваша светлость! – по ее губам пробегает улыбка. – Крайне любезно с вашей стороны проявить ко мне участие.

Это звучит весьма двусмысленно. Она сразу дает понять, что моя притворная вежливость ее не обманула. Ну, что же, так даже лучше.

– Мне хотелось бы верить, что столь печальный опыт многому вас научил, и в дальнейшем вы будете более благоразумны.

Она предлагает мне присесть, и сама опускается в кресло.

– Не беспокойтесь, ваша светлость, я учту прошлые ошибки.

Здесь, в привычной для себя обстановке, она кажется еще более красивой. Плечи горделиво расправлены, исчезла настороженность в движениях.

– Послушайте, ваше сиятельство, мне не хотелось бы на вас давить, но, если позволите, я дам вам маленький совет.

Она непринужденно щебечет в ответ:

– Я вся во внимании, ваша светлость!

– Забудьте об открытии магической школы! – надеюсь, серьезность моего тона заставит ее понять, что я не шучу. И что это – не просто совет. – Да-да, я знаю, что только благодаря этой школе вас освободили из-под стражи, но уверяю вас – если вы откажетесь от этого плана,

никто вас не осудит. Дело не будет открыто снова. Я лично поговорю с судьей, и он тоже забудет о ваших намерениях.

Мне кажется это вполне разумным. Она уже получила то, что хотела – ее признали невиновной. Теперь школа для нее – лишняя головная боль. А если школа не откроется, то как минимум десяток магически одаренных девушек не будут одурачены этой не очень щепетильной особой. Довольно уже тех юношей из благородных семейств, которые, получив аттестат об окончании школы графини де Ламарк, не отяготили свой ум ни каплей новых знаний.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.